

ОТЗЫВ

**официального оппонента на диссертацию В.М. Димитриева
«Концепции памяти в прозе младшего поколения русской эмиграции
(1920–1930 гг.) и роман Ф.М. Достоевского “Подросток”»,
представленной на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности 10.01.01 — Русская литература**

Актуальность темы. Диссертационное исследование Виктора Михайловича Димитриева посвящено актуальной проблеме в современном литературоведении — концепции памяти в художественной литературе русского зарубежья. Сам исследователь в введении к диссертации справедливо отмечает «центральное положение категории памяти в структуре эмигрантского дискурса» (С. 5). И хотя диссертант преднамеренно сужает тему и вводит ограничения и в хронологическом, и в поколенческом аспектах работы (речь идет прежде всего о 1920–1930-х гг. и о младшем поколении пореволюционной эмиграции), а также фокусирует внимание только на прозе младоэмигрантов, — масштаб заявленной темы очевиден. Категория памяти напрямую соотносится с фундаментальными философскими категориями пространства и времени; их драматичную трансформацию пореволюционное русское зарубежье переживало особенно остро. Массовое насильственное изгнание радикально повлияло на основные формы бытия человека: во времени — это зыбкое балансирование между прошлым и настоящим, в пространстве — отсутствие четко очерченных границ (статус беженца) и исчезновение целого государства (места бытия) с карты мира. Подобные тектонические сдвиги создали в нескольких поколениях русской эмиграции новые формы памяти, а это, в свою очередь, обновило и «художественные концепции памяти» (С. 11), создало новую поэтику и метафизику художественного слова. По верному замечанию автора диссертации, категория памяти у писателей-эмигрантов «генетически связана с русской модернистской и классической традициями, а также включается в контекст современных эмигрантским модернистам экспериментальных романов, в которых память становится одновременно формой, идеей и

темой» (С. 11). Между тем русская эмиграция не только чутко откликалась на эти новейшие тенденции, но и сама привнесла в культурное пространство XX века обновленное понимание человека и метафизических феноменов. Изменив геополитическую картину мира, русское зарубежье, на наш взгляд, значительно повлияло и на ментальный ландшафт своего времени, а во многом предвосхитило искания нового столетия. Целый ряд знаковых произведений в литературе, театре и кинематографе, созданных в последние десятилетия П. Модiano, А. Берлине, К. Ноланом, Ч. Кауфманом, Ж.-В. Дормалем и др., во всей полноте ставят проблему памяти и драматичной зыбкости связанных с ней категорий «пространство и время», «бытие и ничто», «возможность и действительность» и отсылают в методах разработки проблемы не к игровым стратегиям постмодернизма, а скорее к сложному этико-онтологическому поиску, к экзистенциальным вопросам, над которыми билось предыдущее культурное поколение, в том числе и пореволюционная русская эмиграция: «...кто мы? откуда? куда? что мы делаем на земле? по чьей воле или по чьей слепой и жестокой прихоти брошены мы в мир?» (Адамович Г. «Одиночество и свобода»).

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций. Всё выше сказанное нисколько не оспаривает основные положения диссертации, а напротив, указывает на их актуальность и научную весомость. Выбор диссертантом тематического и временного диапазона более чем обоснован, – именно 1920–1930-е годы были эпохой новейшего опыта и эксперимента в эмигрантской литературе и именно молодое поколение оказалось носителем этой новой традиции. Такое «прямое попадание в цель» требует точности и глубины проработки исследовательской задачи. Плюс ко всему означенная проблема усложнена в диссертации сопоставлением прозы молодых эмигрантов с романами Ф.М. Достоевского «Подросток» и А. Жида «Фальшивомонетчики», что значительно обогащает интерпретации «подросткового нарратива» эмигрантской литературы. На наш взгляд, результатом решения этой

многосложной задачи стало системное, комплексное исследование, поднявшее целый тематический пласт в литературе русского зарубежья и в истории взаимовлияний русской и европейской мысли, русской эмигрантской и русской классической литературы. Результаты и выводы изложены диссертантом на различных научных конференциях и в статьях.

Оценка новизны и достоверности. Среди несомненных достоинств диссертации – широта охвата источников. Проблематикой памяти в литературе русского зарубежья занимались многие исследователи, и в диссертации приведена обширная библиография, которая демонстрирует уровень осведомленности соискателя об этих разработках. При этом современные исследования и публикации по литературе русского зарубежья, ряд программных работ, посвященных непосредственно философии памяти, а также творчеству Ф.М. Достоевского присутствуют в диссертации не статичным списком, а диалогически, как живой научный контекст. В то же время предложенный В.М. Дмитриевым анализ проблематики памяти в творчестве «младшего» поколения писателей-эмигрантов предлагает целый ряд самостоятельных научных изысканий и новых парадигм, на которых хотелось бы остановиться отдельно.

Содержание диссертации, ее завершенность. В первой главе исследования отслеживаются два мнемонических вектора в эмигрантском дискурсе, – «память» и «воспоминание» и трактуются как результат «разделения литературных поколений эмиграции» (С. 65). Этот акцент на двух разных (если не антагонистичных) формах памяти поколений «отцов» и «детей» нам представляется не только аутентичным по отношению к литературной ситуации тех лет, но и крайне плодотворным для техники анализа текста. Старшие представители эмиграции «первой волны» создают традицию «памяти-мифа», «памяти-долга» (С. 88), Россия в их творчестве превращается в сакральное место коллективной памяти, мифологизируется (И.А. Бунин, И.С. Шмелёв, Б.К. Зайцев), художественная форма произведений обращена к русскому литературному языку прошлого вплоть

до нарочитой архаизации стиля (А.М. Ремизов). Другую мнемоническую традицию создает поколение «детей», противопоставив гранитной статике «памяти» постоянно становящееся «воспоминание». Методологически соискатель обосновывает использование этой полемической оппозиции целым рядом работ представителей русской эмиграции, в том числе отсылает к статье Ф.А. Сепуна «Пореволюционное сознание и задача эмигрантской литературы» (1935), в которой *память* как символ «вечного» была противопоставлена «лирическому тлену» *воспоминаний*.

Причины зарождения и расцвета младоэмигрантского мнемонического дискурса последовательно вскрыты и исследованы в диссертации. Так, В.М. Димитриев указывает на ряд программных статей молодых эмигрантских писателей (Б. Поплавского, С. Шаршуна, Ю. Терапиано и др.), в том числе на цикл эссе В. Варшавского об «эмигрантском молодом человеке». Обращение к этим работам представляется крайне важным в свете заявленной темы. Действительно, Варшавский одним из первых в эмиграции поставил вопрос о феноменологии памяти у эмигрантских детей: оказавшись подростками в изгнании («ни в каком мире и ни в каком месте»), имея в арсенале не фундаментальное прошлое, а лишь обрывочные детские воспоминания, это поколение создавало себя – жизнь и творчество – с чистого листа. Во многом это объясняет и природу мнемонического в литературном наследии младоэмигрантов. Обращение к памяти в их творчестве имеет короткую временную дистанцию, апеллирует не к многолетнему прошлому, а к недавним событиям и переживаниям, а это, в свою очередь, определяет тематические, жанровые и стилистические особенности художественного текста (реактивная фиксация происходящего, ставка на достоверность, автобиографизм, исповедальность, простота формы, культивирование стиля «антиромана», дневниковых записей, письма или черновика и т.д.). По меткому замечанию В.М. Димитриева, молодой эмигрантский писатель стремится восстановить не столько свое прошлое, сколько самого себя, распыленного во времени и пространстве, «вспомнить что-то неясно

забытое» (С. 26). Наблюдение очень ценное, так как дает еще одно и весьма убедительное обоснование полемике двух литературных поколений как «противопоставления “вечного” и “временного”» (С. 22), – с позиции «отцов», и «“мертвого” “архива” и “живого” свидетельства» (С. 32), – с позиции «детей». Здесь же мы находим причины приверженности молодого поколения эмигрантских писателей к «литературе человеческого документа» – одному из самых востребованных и полемичных манифестов эмигрантской молодежи. Здесь же во многом находит логическое объяснение зарождение «бергсонианского» дискурса молодой эмигрантской литературы.

Соискатель справедливо замечает, что «философские тексты Бергсона прочитываются “молодыми” эмигрантами прежде всего в ракурсе собственных метафизических и эстетических поисков» (С. 118), при этом убедительно показывает «сродство» бергсоновского психологического времени, или «дления» («*durée*») и эмигрантского понимания времени, памяти и своего «я» как «пластического медиума становления» (определение Б. Поплавского). Для молодого эмигранта *память* – это не «меморизация» прошлого, а непрерывно длящееся восстановление внутреннего «я», противостояние небытию, распыленности внешнего мира. Продуманная композиция диссертации позволяет автору развивать бергсонианский «лейтмотив» в каждой из глав. Глубинные связи философской интуиции младоэмигрантов с философией Анри Бергсона последовательно отслежены и проанализированы на примере творчества Ю. Фельзена, Б. Поплавского, Б. Вильде, Л. Кельберина, В. Яновского и др. Отдельно хотелось бы отметить ценные наблюдения влияния философии Бергсона на внутреннюю форму прозы Владимира Варшавского (параграф «Генезис “рассеянной” памяти в прозе В.С. Варшавского 1920–1930-х годов (В.С. Варшавский, Ф.М. Достоевский, А. Бергсон)» из третьей главы диссертации).

Еще один ключевой «лейтмотив» исследования – значение романа Ф.М. Достоевского «Подросток» для молодой эмигрантской литературы. Диссертантом приводятся множественные примеры влияния прозы

Достоевского на творчество младоэмигрантов (введенные Достоевским образы «русских мальчиков» и «мечтателей», темы «подполья», «всемирного боления за всех», ставших неотъемлемой частью самопрезентации детей русской эмиграции); в то же время роману «Подросток» отводится особая роль как «источнику мнемонической поэтики эмигрантской литературы» (С. 13). Онтологически не только возраст сближал детей русской эмиграции с главным героем романа, но и статус незаконнорожденности, т.к. целое поколение изгнанников в момент взросления было отвергнуто отечеством. Весьма плодотворным для сравнительного анализа прозы младоэмигрантов и романа Достоевского представляется акцент не только на «подростковой» теме, но и на стилистических особенностях текста. Так, В.М. Дмитриев замечает, что «Подросток» благодаря «передаче молодому герою решающего повествовательного голоса» (С. 86) открывал новые художественные возможности в прозе, а созданный Достоевским подростковый нарратив предвосхитил новую поэтику «антиромана»: «живое становление голоса и мысли» (С. 143), сбивчивость и дискретность в описании событий, уход от «литературности» в сторону верно пойманной интонации, специальную непродуманность и неровность стиля. Диссертант наглядно демонстрирует, что означенные стилистические особенности были продуманной писательской стратегией: «Именно проживаемую реальность хотел запечатлеть Достоевский, когда создавал роман о неготовом человеке» (С. 140). Нет нужды говорить, насколько названные стилистические черты органично совпадали с творческими установками молодой эмигрантской литературы.

Проведенный во второй и третьей главах диссертации предметный анализ творчества И. Болдырева и М. Агеева как создателей ярких образов «героев-подростков», а также романа А. Жида «Фальшивомонетки» в контексте диалога литературы XX в. с Достоевским; подробное изучение особенностей мнемонического нарратива в творчестве В. Варшавского и Ю. Фельзена создают крайне насыщенное резонантное пространство вокруг

центральной проблемы памяти. Диссертация ценна тем, что выходит за рамки узко-литературоведческих штудий и представляет собою междисциплинарное исследование философии памяти в широком контексте литературы русского зарубежья, русской классической и западноевропейской литературной традиции.

Замечания по диссертационной работе. В процессе прочтения диссертации возник ряд замечаний и пожеланий. Так, временной диапазон, очерченный в диссертации, по умолчанию снимает вопрос о послевоенном периоде творчества «незамеченного поколения». Между тем после войны молодые эмигранты изменили свой статус и сами стали маститыми летописцами, носителями «памяти-долга», и не столько взросление было тому причиной, сколько смена эпох, в том числе уход в небытие феномена «русского Монпарнаса». Исчезновение монпарнасского топоса – среды обитания и взросления эмигрантской молодежи – стало сродни исчезновению дореволюционной России для поколения «отцов». Именно этим, на наш взгляд, объясняется расцвет послевоенной мемуарной традиции, появление свода воспоминаний о русском зарубежье межвоенной поры, созданных поколением эмигрантских «детей». И хотя подробный анализ послевоенного периода не входит в задачи диссертации, эту эволюцию литературного поведения младоэмигрантов, на наш взгляд, стоит иметь в виду.

Спорным представляется употребление понятия «антилитературность» для характеристики поэтики «человеческого документа». Оно активно используется в литературоведении, однако представляется, на наш взгляд, не вполне релевантным. В эмигрантской литературе дискурс «человеческого документа» весьма многосложен, – в сущности, это был эстетический эксперимент «на выживание», поставивший целью не уйти из лона литературы, а напротив, в нем остаться, используя самые точные, единственно-необходимые художественные средства. Результатом этого эксперимента стала не «антилитературность», а скорее «выразительный

аскетизм» (определение О.А. Коростелева). Однако этот «вопрос о терминах» открыт для дискуссии.

Еще одно встречное соображение касается анализа художественной формы прозы В. Варшавского. Хотелось бы обратить внимание диссертанта на специфику работы писателя над итоговым романом «Ожидание» (1972). На наш взгляд, он стал воплощением бергсоновской концепции «дления» не только по содержанию, но и по форме. Этот автобиографический роман – воссоединение публикаций всей жизни. Ранние литературные опыты 1920-х равноправно внедрены в итоговый текст наряду с достижениями зрелого писателя 1960-х, – всё служит строительным материалом, добросовестно вносится в романную постройку практически без редуций и изменений и отражает «чистое становление». Перед нами – уникальный пример «творческой эволюции», не имеющий, на наш взгляд, аналогов в эмигрантской литературе. Но замечание это – суть встречное рассуждение, вызванное ценными наблюдениями соискателя.

В целом же высказанные выше замечания – главным образом пожелания автору дальнейшей работы над темой и ни в коей мере не умаляют высокой научной ценности диссертации.

Заключение. Диссертация В.М. Димитриева – завершённый научно-исследовательский труд на актуальную тему, выполненный с высокой научной культурой. Исследование вносит неоспоримый вклад в изучение русской литературы и заслуживает высокой оценки. Диссертация имеет существенное практическое значение. Она полезна для вузовских курсов по истории новейшей русской литературы, истории зарубежной литературы, для исследователей, изучающих литературу «незамеченного поколения» эмиграции, а также литературу и культуру русского зарубежья в целом.

Основное содержание диссертации адекватно отражено в автореферате.

Диссертационная работа соответствует требованиям пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013

года № 842, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор Виктор Михайлович Димитриев заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 — «Русская литература».

ученый секретарь
Дома русского зарубежья
имени Александра Солженицына
кандидат филологических наук

М.А. Васильева

24.04.2018

Подпись руки
М.А. Васильева
заверено
Зам. директора
по адм. г. Москвы
«ДОМ РУССКОГО
ЗАРУБЕЖЬЯ
им.
А.Солженицына»
24. 04. 2018

